

УДК 330.88

С.Ф. Викулов, доктор
экономических наук, профессор
Е.В. Горгола, доктор
экономических наук, профессор
С.Р. Цырендоржиев, кандидат
военных наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В статье проведен анализ становления и развития военно-экономической науки. Прослежена закономерная связь масштаба и характера военных угроз и военных конфликтов с военной экономикой, которая должна соответствовать требуемому уровню военно-технического обеспечения обороны страны. Подчёркнута объективная необходимость перехода к научному обоснованию принимаемых решений в условиях существенного изменения характера межгосударственного противоборства с преимущественным использованием различного рода враждебных действий невоенного характера, очерчен круг нерешённых проблем в области развития военно-экономической науки.

Ключевые слова: военно-экономическая наука; методология; военная экономика; война; промышленность; базовые отрасли; продукция двойного назначения; затраты; средства регулирования; мобилизация производственных мощностей; военно-экономическая деятельность; экономическое обеспечение войны; управление; принцип паритета; военно-промышленный комплекс; технологический уровень; экономический кризис; сетецентрическая война; гибридная война; враждебные действия; ресурсное обоснование

Ход и исход войны, победы и поражения государств определяются различными факторами, среди которых решающее значение имеет экономический фактор. Именно экономика государств определяет динамику общественного прогресса, его развитие, как бы сильно не влияли на эти процессы политические и другие факторы. Взаимосвязь войны и экономики относится к фундаментальным положениям военно-экономической науки. Познание законов военной экономики позволяет сформировать

теоретическую основу правильного определения требований как к экономической стратегии, так и к военной доктрине государства. В результате вскрытия и изучения этих закономерностей и связей, в начале 1920-х годов в России на стыке военной и экономических наук сформировалась относительно самостоятельная отрасль научного знания – *военная экономика*, определился ее категориальный аппарат и основные элементы. Учитывая, что уровень развития военной экономики как науки характеризуется степенью разработанности ее теоретических и методологических основ, ученые пытались определить ее объективно-предметную область.

Представление о предмете военной экономики как науки складывалось на протяжении длительного периода времени в результате научных дискуссий и споров. В 1920-е годы были уточнены задачи «экономики войны», определены такие понятия как «военное хозяйство» и «войсковое хозяйство», «военный потенциал», и «военно-экономическая мощь государства», «военное потребление» и «военный спрос». Курс «Экономика войны» преподавался в качестве учебной дисциплины в военных академиях и других учебных заведениях. Основные задачи «экономики войны», которые были сформулированы в 1920-е годы, состояли в том, чтобы понять войну как экономическое явление; построить учение об экономических первоосновах войны, построить прикладную отрасль военно-экономического знания.

В 1930-х гг. в мире, особенно в странах фашистского блока, ставших на путь подготовки новой войны, заметно ускорилось развитие военной экономики. Наибольшего размаха военное производство достигло в гитлеровской Германии, которая заранее отмобилизовала свои экономические ресурсы, накопила большие запасы военной продукции и оказалась экономически наиболее подготовленной к масштабной войне. Мобилизация экономики Германии не происходила, как в 1914 году, в форме кратковременного периода в начале войны, а была растянута на длительное время задолго до ее начала.

В СССР с середины 1930-х гг. публикация военно-экономических работ прекратилась практически полностью на долгие годы. Но, поскольку неизбежность войны с «капиталистическим окружением» не вызывала сомнений, социалистическая экономика СССР формировалась как экономика подготовки к войне. В годы индустриализации была создана про-

мышленность, не разделяемая на гражданскую и военную, способная перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания армии. При этом советская мобилизационная экономика внешне не выглядела сверхмилитаризованной. В отличие от царской России, которая оснащала армию оружием, производимым преимущественно на специализированных «казенных» заводах, технологически не связанных с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, в СССР армия оснащалась вооружением, производимым на основе американской модели – с использованием технологий двойного назначения. При помощи американских специалистов были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, причем производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство, в случае необходимости, взрывчатых и отравляющих веществ. Создав мощную и современную автотракторную промышленность, СССР, начиная с 1932 года и до второй половины 1930-х гг. (начала перевооружения Германии) производил больше танков и самолетов, чем остальные страны мира, вместе взятые. Тем не менее, основные усилия советского руководства в эти годы направлялись все же не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.), как основы развертывания военного производства в случае войны. По оценке уже ушедшего из жизни члена Совета по внешней оборонной политике России В.В. Шлыкова, тридцать лет прослужившего в советской разведке, в том числе в качестве начальника ее военно-экономического управления, в конце 1930-х гг. в СССР отказались от прежней системы мобилизационной подготовки экономики и перешли к тотальной милитаризации промышленности. На имеющихся гражданских предприятиях достичь предусмотренных третьим пятилетним планом показателей производства оружия было уже невозможно. После начала Великой Отечественной войны это стало важным фактором быстрого наращивания военного производства и подготовило коренной перелом во Второй мировой войне в целом.

Практически с первыми её залпами в Великобритании появляются научные работы, посвящённые проблемам функционирования экономики страны непосредственно в условиях войны, в т.ч. по вопросам об источниках военно-экономической деятельности государства, границах вовлечения экономических ресурсов в военное производство, а также о решающей роли государства в мобилизации национального хозяйства и управлении им в период ведения военных действий. В первую очередь это работы Дж.М. Кейнса «Как оплатить войну» и Р.У. Кларка «Экономическое напряжение войны».

Следующим важным этапом стала Вторая мировая война, которая по своим масштабам и интенсивности, размерам военного потребления экономических ресурсов значительно превосходила Первую. Совокупные военные расходы из бюджетов воюющих государств составили 1 трлн 117 млрд долл. (695 млрд долл. израсходовали страны антигитлеровской коалиции и 422 млрд – Германия с союзниками), что в несколько раз превышает аналогичные затраты в период Первой мировой войны. Существенно выросли и относительные размеры затрат: доля военно-бюджетных издержек в национальном доходе достигла: в США – 43,4%, Великобритании – 55,7%, Германии – 67,8%, Японии – 49,7%, а в СССР – 55%.

Вся экономика этих стран переведена на военные рельсы. По некоторым подсчетам, в 1941-1945 гг. доля военной продукции в промышленности США в среднем составляла 60,6%. Производство вооружения и боевой техники во много раз превышало их выпуск в период Первой мировой войны.

В военном производстве произошли и заметные качественные изменения. Стали выпускаться более сложные и эффективные виды вооружения и боевой техники. Изменилась структура используемых в ходе войны материальных ресурсов. Подавляющая их часть приходилась на вооружение, военную технику, боеприпасы и горючее, в то время как в годы Первой мировой войны в общем объёме материальных ресурсов преобладали продовольствие и фураж.

В воюющих странах, особенно в фашистской Германии, усилилось вмешательство государства в экономику. В странах антигитлеровской коалиции были созданы специальные государственные органы по управлению военной экономикой (в США – Управление военного производства, в

Англии – министерство снабжения). Для расширения военного производства использовались различные прямые и косвенные средства регулирования, мобилизации производственных мощностей, рабочей силы, сырья и других ресурсов. В этих целях широко использовались государственные капиталовложения. Так, в США расширение военного производства происходило, главным образом, за счет государственных инвестиций. Если за 1915–1918 гг. доля государства в общих расходах на строительство военных предприятий составила около 30%, то за 1940-1945 гг. она возросла до 60%.

Во время Второй мировой войны активизировались военно-экономические исследования и в США. В 1942 году в Чикагском университете был издан сборник статей группы профессоров под названием «Экономические проблемы войны и ее последствия». В этой работе анализировались важнейшие уроки прошлых войн в целях наилучшего разрешения экономических проблем войны, ее финансирования и т.д. В последующие годы в США появилось немало других работ, в которых рассматривались различные экономические аспекты Второй мировой войны, в частности, вызвавшие большой интерес общественности и специалистов книги президента Американского социологического общества У.Ф. Огборна и известных экономистов Дж. Мориса Кларка и В.В. Леонтьева.

Крупным вкладом в военно-экономическую практику и теорию стал опыт экономического обеспечения победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне, который был обобщён в книге руководившего переводом народного хозяйства на военные рельсы и эвакуацией производительных сил из прифронтовой полосы на Восток председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского. Особенности перестройки экономической жизни, организации военного производства, государственного управления военно-экономической деятельностью и экономического обеспечения войны рассмотрены в работах и других советских авторов, в частности, в многотомных изданиях по истории Великой Отечественной войны Советского Союза и Второй мировой войны, в воспоминаниях военачальников, в работах руководителей экономических ведомств и ученых.

Огромных размеров достигла военная экономика Советского Союза. Еще в последние предвоенные годы она развивалась достаточно высокими темпами, вступали в строй новые танковые, авиационные и другие

предприятия, осваивался серийный выпуск новых видов техники. Начало войны потребовало тотальной мобилизации экономических ресурсов страны. За короткий срок была проведена титаническая работа по перебазируванию производительных сил на восток. Административно-командные методы хозяйствования (при всех известных их недостатках) и массовый героизм советского народа позволили в максимально возможной степени от мобилизовать военно-экономический потенциал и в плановом порядке обеспечить быстрое расширение массового выпуска вооружения и военной техники, выдержать противоборство с фашистским блоком и достичь военно-технического превосходства над ним.

Экономическое обеспечение потребностей фронта стало тяжелейшим бременем для народов СССР. В 1941-1945 гг. только бюджетные затраты на военные нужды составили 582,4 млрд руб. Громадный урон народному хозяйству и населению страны наносили варварские действия немецко-фашистских войск на оккупированной территории.

Теоретические взгляды советских военных экономистов прошли тяжелейшую практическую проверку в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. Этот нелегкий опыт обобщен целым рядом авторов: Г. Шигалиным, Я. Чадаевым, Н. Шелепугиным, Р. Белоусовым и т.д. В работах Ф. Аврамчука, С. Бартенева, В. Борисова, Ю. Власевича, А. Гурова, С. Ермакова, В. Королева, П. Соколова, А. Никонова, И. Юдина, К. Спидченко, Р. Фарамазяна и др., в трудах которых отражены методологические основы экономического обеспечения обороны страны в условиях противостояния двух экономических систем. Военно-экономическая мысль получила дальнейшее развитие во второй половине XX века. В 1950-е – 1970-е годы в результате нескольких научных дискуссий достаточно четко определился предмет военной экономики как науки, ее основные задачи в сложившихся условиях.

Можно спорить о том, кто же первым начал холодную войну: СССР или Запад. Однако очевидно, что с таким соотношением сил и потерь в прошедшей войне Советский Союз, в отличие от Запада, длительное глобальное противостояние позволить себе не мог. Тем не менее, советская доктрина эпохи холодной войны была основана на принципе паритета: на любой шаг Запада (прежде всего, США) должен был следовать равноценный ответ. Любой элемент вооруженных сил США и НАТО должен был быть уравновешен симметричным элементом с нашей стороны.

Поскольку стратегическая инициатива почти все время была на стороне Запада, мы оказывались в роли догоняющих. На языке пропаганды тех лет это все называлось «гонкой вооружений, развязанной агрессивными империалистическими кругами».

Конечно, были с нашей стороны и асимметричные ответы (например, развитие ПВО), и действия на опережение (ракетно-космический проект 50-х годов), и удачное противостояние в Корее, во Вьетнаме через оказываемую помощь народно-освободительным силам. Но чаще всего руководство Советского Союза действовало «в лоб», особо не просчитывая необходимость. Руководство СССР стремилось к глобальному присутствию, чтобы уравновесить США, появляются чрезвычайно затратные и неподъемные для экономики того периода проекты экспедиции на Луну, Энергия-Буран и др., которые в итоге были бесславно свернуты.

Всю послевоенную эпоху Советские Вооруженные Силы готовились к войне на континентальном европейском театре военных действий: создавались эшелонированные оборонительно-наступательные группировки войск (сил), танковые заводы, авангардные ракетные базы и так далее. За годы Холодной войны наша промышленность построила десятки тысяч танков, артиллерийских орудий и РСЗО, тысячи самолетов, произвела тысячи и тысячи тонн боеприпасов. Это оружие никогда не воевало, многие единицы не участвовали даже в учениях, однако год за годом советская страна работала на их разработку, производство, обслуживание, хранение и утилизацию.

В 1960-70-х гг. много внимания уделялось разработке методологических основ философии в познании и развитии военного дела, его экономического обеспечения. Усилия военных ученых направлялись на глубокое раскрытие методологического значения философии для развития военной науки, повышения эффективности военно-научных исследований.

Особняком стоят труды Е.Э. Месснера – выпускника Императорской и преподавателя зарубежной Академии, который был ярким противником советского строя, но настоящим русским патриотом. И это именно он почти полвека назад в своей тетралогии под общим названием «Проблемы войны и мира» сумел предсказать характер войн к концу XX века, размах и нарастающую угрозу международного терроризма, обосновать неготовность государственных силовых структур противостоять этой угрозе.

(Месснер Е.Э. «Лик современной войны» (1959 г.), «Мятеж – имя Третьей Всемирной» (1960 г.), «Современные офицеры» (1961 г.), «Всемирная Мятежевойна» (1971 г.). Именно в его трудах была сформулирована и «озвучена» идея «борьбы мятежом». Сегодня – это технологии «мягкой» силы, «цветных» революций, «арабской» весны, доведенные до совершенства западными идеологами. К сожалению, труды Е.Э. Месснера остались известными в основном узкому кругу военных специалистов, занимающихся вопросами геополитики и стратегии.

В эти годы советские военные базы имелись во всех частях света, кроме Австралии. При этом как таковой стратегической необходимости в большинстве из них не было: СССР никогда не зависел от поставок из третьих стран, поэтому нам не нужно было охранять торговые пути. Радиолокационные станции были важны в 1960-х, однако по мере развития космических средств наблюдения необходимость в них отпала.

Для обеспечения глобального присутствия Советский Союз активно поддерживал режимы третьих стран. В отличие от циничного Запада (США с помощью послевоенного плана Маршалла поставили в финансовую зависимость даже своих европейских союзников, не говоря уже о развивающихся странах), мы никогда не вели колониальную политику. Наоборот, наша страна всегда гораздо больше отдавала, чем получала. Отдавала советским республикам – даже по советской статистике все они (кроме России и Белоруссии) были в той или иной степени дотационными; отдавала странам Варшавского договора (мы не только помогли им восстановиться после войны, но и всю вторую половину прошлого века снабжали энергоносителями по внутренним ценам); и, уж конечно, отдавала режимам третьих стран в форме товарных кредитов и прямой материально-технической помощи.

К моменту распада СССР третьи страны остались нам должны 176 млрд тогдашних долларов, или 300-350 млрд нынешних. По разным подсчетам, эта сумма покрывает от четверти до трети прямой и косвенной помощи, которую СССР оказал зарубежным правительствам. Такой подход полезен для политики, но вреден для экономики. Где Запад наживался, там мы тратились. Где Соединённые Штаты выстраивали невидимую, но прочную сеть глобального финансового влияния – мы, по существу, просто платили за лояльность.

После Второй мировой военно-промышленный комплекс и у нас, и в США стал двигателем прогресса: самые передовые разработки науки и техники создавались в оборонной сфере. Однако западная государственно-частная система намного успешнее позволила конвертировать военные разработки и выпустить их на рынок. У нас таких примеров немного: АЭС как побочный продукт оружейного атома, реактивная авиация, прикладной орбитальный космос (частично). В целом же продукты военных технологий у нас оставались под грифом «секретно», а это значит, что они не могли служить людям, не могли себя окупать и не могли шлифоваться в массовом гражданском производстве.

На Западе же, и, в первую очередь, в США почти каждое военное ноу-хау в том или ином виде вышло на рынок. Тефлон и гелевые ручки, интернет и мобильная связь, микроволны и микропроцессоры – примеров сотни. У многих из этих разработок были, во-первых, советские корни, а во-вторых, засекреченные аналоги.

Советская армия была самой многочисленной в мире: почти 4 млн человек (1988 г.) против 2,3 млн у США. Расходы на оборону с учетом паритета покупательной способности между СССР и США оцениваются примерно одинаково: порядка 300 млрд долл. в 1988 году, однако в силу меньшего объема экономики их доля в нашем ВВП выходила вдвое больше, чем у Штатов: 13% против 6,5% в том же 1988 году. Такое соотношение сохранялось всю послевоенную эпоху, оно позволило Америке участвовать в гонке вооружений и параллельно развивать мирную жизнь. Как следствие, доходы на душу населения и общий уровень жизни в США рос значительно быстрее, чем у нас.

Эффективность оборонных затрат тоже часто оставляла желать лучшего. Советская (а позже и российская) военная доктрина была основана на массовой мобилизации и обязательной службе по призыву. Такой подход оправдывает себя при высокой рождаемости и росте населения, но в демографических условиях 1970-х – 80-х годов, когда индекс естественного прироста упал ниже 10, он приводил к изъятию из экономики большого количества молодых рабочих рук, не говоря уже о том, что военная техника все усложнялась, и срока службы по призыву не хватало, чтобы толком ее освоить. В США призыв на воинскую службу был отменен еще в 1970 году, армия с тех пор остается полностью контрактной.

Более низкий советский технологический уровень также приводил к неэффективным тратам: например, американские спутники фоторазведки еще в 1960-е годы оснащались капсулами для пленки, которые они спускали на Землю по мере съемки. Сам же спутник мог работать на орбите месяцами. У нас подобные системы получили распространение только к концу 1980-х, а самым массовым спутником видовой разведки был «Зенит» с одним зарядом пленки. После выхода на орбиту он делал несколько витков, отрабатывал программу и садился. Для постоянной актуализации космических снимков и штабных карт «Зениты» запускали по расписанию – раз в неделю или около того. Таких примеров множество, и, хотя более технологичная армия совершенно не обязательно лучше воюет, но однозначно потребляет меньше сил и средств.

Мобилизационная психология проникала в мирную советскую жизнь повсеместно: в каждом вузе была военная кафедра, каждый подземный гараж мог герметизироваться и работать бомбоубежищем, каждый пассажирский вагон был достаточно прочным и тяжелым, чтобы его можно было прицеплять к тяжелым эшелонам. Даже пассажирский лайнер Ил-86 проектировался так, чтобы его можно было быстро конвертировать для перевозки войск на двух палубах. Все это требовало драгоценных ресурсов, и все это оказалось в итоге напрасно.

Глобальное присутствие требовало от Советского Союза серьезных затрат и субсидий, которые из-за щедрой модели взаимоотношений с сателлитами не компенсировались даже косвенным образом. Удельные расходы на оборону у нас были вдвое выше, чем у США, и в пять-шесть раз выше, чем у стран Западной Европы. Кроме того, эти расходы часто были неэффективными, а особенности экономического устройства СССР не позволяли массово внедрять военные технологии и разработки в мирную жизнь и зарабатывать на них, а учитывая более слабый, чем у соперников потенциал, это привело к перенапряжению сил и средств. Наболевшие системные реформы постоянно откладывались. Чтобы их провести, требовались ресурсы, которые, в первую очередь, шли на противостояние с Западом. Ни руководство, ни страна в целом ни на минуту не могла расслабиться и заняться накопившимися проблемами. Вместо следования долгосрочной стратегии развития, предпочтение год за годом отдавалось сиюминутным решениям, дающим возможность продолжать борьбу здесь и сейчас.

К середине 1980-х страна была истощена холодной войной и десятилетиями неэффективного руководства. Спровоцированный Западом неглубинный, на первый взгляд, экономический кризис, вызвал цепную реакцию и привел к внутренним конфликтам, фактически, к революции, и распаду СССР, а авантюрные попытки в кратчайшие сроки перейти к рыночным отношениям в 1990-е годы загнали страну в глубочайший системный кризис.

Теперь же, когда с великим трудом экономика становится близкой к восстановлению, а военный потенциал позволяет вернуть России статус самостоятельной мировой державы, военно-политическая обстановка в мире резко обострилась – возвращение геополитического конкурента на мировую арену в планы коллективного Запада, и, в первую очередь, США, явно не входило.

В это время складываются политические, социальные, экономические, социально-психологические и военно-политические предпосылки появления новых концепций и стратегий не только своеобразного ведения боевых действий, но и достижения военных целей, не применяя военную силу вовсе: сетецентрических и сетевых войн. Сетецентричные боевые действия (Net-Centric Warfare) – это сугубо военная концепция, прошедшая длительный путь от интеллектуальных разработок и мозговых штурмов через эксперименты и симуляции к практическим действиям, повлиявшим на изменение инфраструктуры Пентагона, а также военную стратегию США. Она во многом стала возможной благодаря информационной эпохе и информационным технологиям. А сетевая война (Netwar), хотя в числе новаторов по ее изучению также были многие военные эксперты и аналитики США – это более широкий феномен, который также связан с императивами информационной эры, постмодерна и глобализации. Но в данном случае это инструмент действий для самых широких слоев населения, в чем убедили многочисленные события последних лет, хотя техники и тактики сетевой войны могут вполне применяться и военными, и политическим сообществом. То есть – *сетецентрическая война* – это военно-техническая революция сверху, в то время как *сетевая война* – это, скорее, социально-политические инновации снизу, применяемые как для достижения своих целей определенными группами, так и направленные на широкую демократизацию общества, и вместе с политической борьбой подразумевают контроль обществом властных структур

и вовлечение в принятие решений (имеются в виду различные проекты «электронной демократии», связанные с новыми информационными возможностями).

В современных условиях ущерб, наносимый Российской Федерации враждебными действиями, их согласованный, системный характер дают повод говорить о возникновении качественно нового этапа межгосударственного противоборства. Сторонники такой точки зрения утверждают о существовании некоторых особенностей этого этапа противоборства. Они связаны, в частности, с тем, что этот этап имеет размытые границы начала и окончания применения враждебных мер и по своему содержанию не может быть отнесен ни к военному, ни к мирному времени. В начале XXI века такой способ разрешения межгосударственных противоречий получил за рубежом своё окончательное оформление, как «гибридная война». Гибридная война в США включена в классификацию военных конфликтов, где кроме неё присутствуют межгосударственные конфликты и конфликты с участием негосударственных формирований. Судя по опыту таких «гибридных войн», в ходе этого вида конфликтов вовсе не исключается проведение мероприятий с применением военной силы. Но если конвенциональные вооружённые формирования применяются преимущественно в форме демонстрационных действий, служат в качестве опоры для других силовых и несиловых враждебных действий, то различного рода нерегулярные вооружённые формирования, в том числе террористические организации, стоящие на содержании одной из конфликтующих сторон, могут вести реальные боевые действия присущими им способами.

В настоящее время существенное возрастание количества и разновидностей враждебных действий со стороны США и других стран Запада по отношению к России, а главное, – увеличение ущерба экономике, различным сферам научной и культурной деятельности государства и общества позволяет пересмотреть устоявшуюся систему взглядов на межгосударственное противоборство. На рисунке 1 проиллюстрированы основные положения современного подхода к оценке межгосударственного противоборства и его отличия от прежнего.

Как известно, согласно существующей теории, военный конфликт традиционно включает в себя начальный период, последующий период (периоды) и завершающий период. Военному конфликту предшествует

период нарастания военной угрозы. Последний период относится к международной и военно-политической обстановке мирного времени в её кризисной и конфликтной фазах.

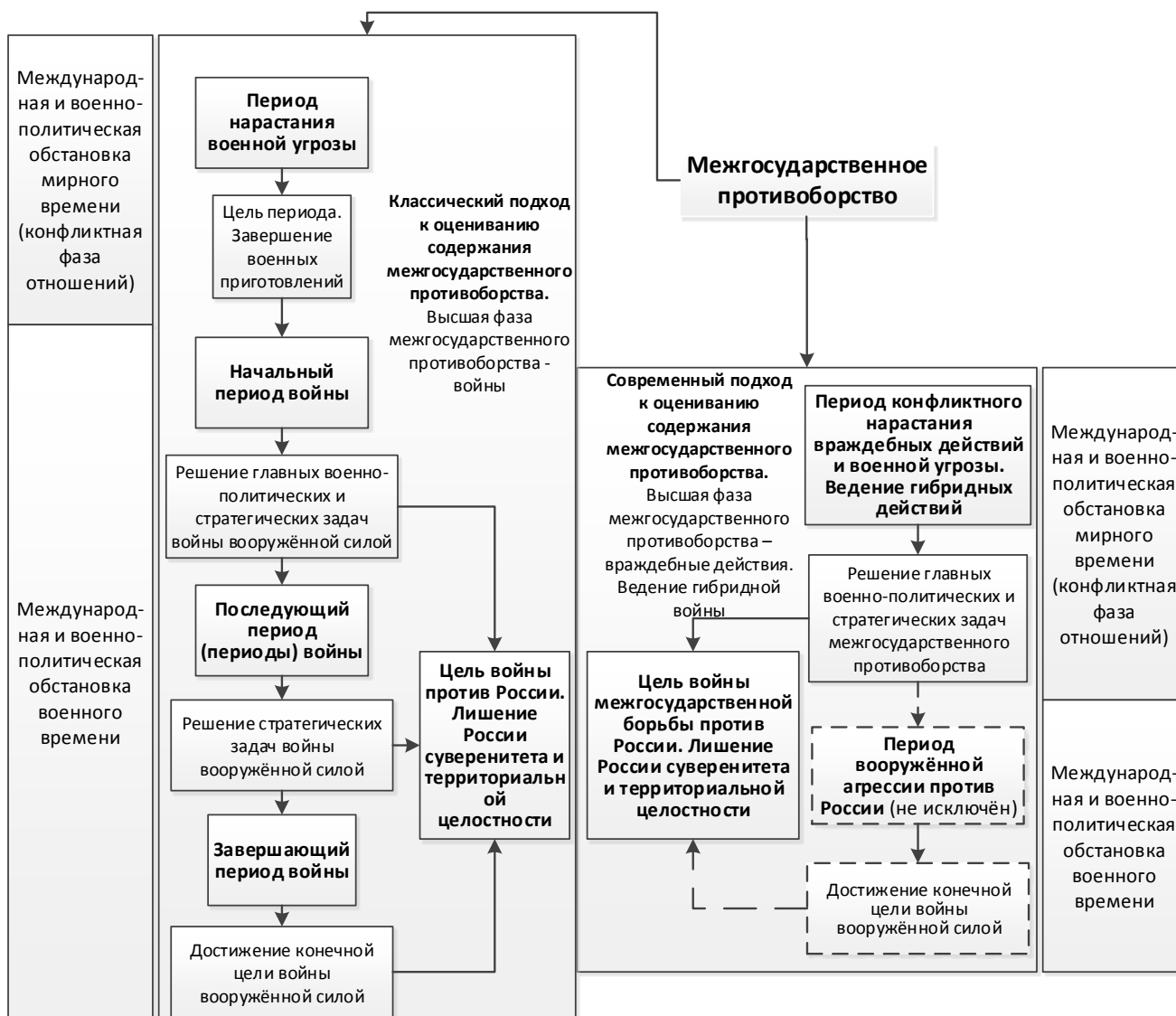

Рисунок 1 – Развитие содержания межгосударственного противоборства

Как показывает опыт взаимоотношений США и стран Запада с государствами Ближнего и Среднего Востока, северной Африки (Ирак, Ливия, Сирия, Турция, Афганистан), Латинской Америки (Венесуэла), Европы (Грузия, Югославия, Украина), смена политического курса этих стран (а в отдельных случаях и ликвидация государства-жертвы), как цель, которую

преследовали в этих отношениях США, была достигнута в большинстве случаев без применения регулярных соединений и частей ВС США и других стран НАТО. Они были применены на территории отдельных стран на завершающем этапе разыгрываемого там политического сценария. Не всегда эти сценарии были успешны. Так, американский замысел не сработал в Сирии, не достиг всех поставленных целей в Афганистане, весьма драматические события происходят в Венесуэле. Но в большинстве случаев в качестве силовой компоненты, обеспечивающей достижение деструктивных политических целей, использовались различного рода иррегулярные воинские формирования.

Таким образом, в настоящее время высшей фазой межгосударственного противоборства становится применение враждебных действий и гибридной войны, как крайне агрессивного способа разрешения обострившихся противоречий. То есть стала очевидной возможность достижения целей межгосударственного противоборства в условиях международной и военно-политической обстановки мирного времени, в фазе активного нарастания враждебных действий и без перехода к военным действиям. Хотя, разумеется, нельзя исключить применение сил и средств вооружённой борьбы для окончательного закрепления достигнутых результатов враждебных действий. При этом наиболее вероятным является сценарий, в котором противник может развязать вооружённую агрессию боеготовыми группировками войск (сил) при поддержке антиправительственных НВФ. Вооружённая агрессия против России может быть развязана только при условии, когда противник будет уверен в успехе, когда боевые действия его войск будут вестись с минимальными потерями и применение Россией стратегических сил сдерживания будет исключено. Это может быть достигнуто лишь в результате дезорганизации государственного и военного управления и упадка морального облика личного состава Вооружённых Сил РФ и значительного числа населения страны.

В современных условиях и в перспективе следует ожидать, что противник, стремясь достигнуть своих геополитических целей в период конфликтного нарастания враждебных действий и применения методов гибридной войны будет предпринимать против России разнообразные силовые и несиловые, невоенные враждебные действия, объединённые общим замыслом и предусматривающие использование нерегулярных сил

вооружённой борьбы. Нужно ещё раз подчеркнуть, что ключевой особенностью межгосударственного противоборства с Россией является наличие у нашей страны мощного ресурсного и военного потенциалов, и, соответственно, потенциала стратегического сдерживания. В связи с этим важнейшей военно-политической и стратегической задачей противника в период конфликтного нарастания враждебных действий будет снижение российского военно-экономического потенциала и собственно, военного потенциала, в первую очередь, потенциала стратегического ядерного сдерживания до уровня, при котором возможностями стратегических ядерных сил сдерживания можно будет пренебречь.

В итоге необходимо констатировать существование тенденции изменения самой парадигмы ведения войны и достижения военно-политических целей. При развитии этой тенденции будет логичным считать устаревшими традиционные представления о военных действиях, как о совокупности стратегических операций, боевых действий. В соответствии с прежними взглядами считалось, что основным содержанием военных действий является вооружённое противоборство, когда противники непосредственно осуществляли огневое поражение друг друга, а победа доставалась тому, у кого вооружение и техника были более совершенны, кто лучше обучен и у кого более стоек личный состав, или тому, у кого имелся достаточный численный перевес, (при этом сама победа измерялась количеством потерь с той или иной стороны и установлением военного контроля над захваченной территорией). В новой концепции войн боевого соприкосновения сил противоборствующих сторон может и не быть. Вооружённое противоборство может проявиться лишь в форме отдельных точечных ударов и ограниченных по масштабу операций сил специального назначения, тем не менее цели войны будут достигнуты. В возможной будущей концепции войн уже нет необходимости в содержании массовых армий, даже, по сути, нет необходимости в оружии массового поражения. И стратегия, и тактика, и обеспечение – все будет другим. В новых условиях меняется и облик военной экономики. Можно предположить, что в будущем она станет более компактной и более эффективной, менее обременительной для национальной экономики в целом.

Условием реализации такой концепции ведения военных конфликтов против России является наличие у противника способности дезорганизовать государственное и военное управление Вооружёнными Силами

и, прежде всего, стратегическими силами сдерживания за счёт массированного применения сил и средств информационно-психологического воздействия (так называемого ментального оружия) на оперативный состав органов управления, население, а на завершающем этапе информационной кампании (операции) и кибероружия.

Пока необходимость в военной силе как инструменте обеспечения военной безопасности будет сохраняться, сохранится и потребность в соответствующей военно-экономической базе, однако, пути и методы военно-экономического обеспечения военной силы, как и способы ответа на возникающие угрозы на современном этапе будут значительно отличаться от классических сценариев ведения войн и военных конфликтов. Фактически это будет означать, что наступает новый этап развития военного искусства и военной экономики.

Правда, развитие событий на юге Украины, в Сирии показывает, что, при пока еще существующем сдерживающем факторе массированного применения ядерного оружия, существует вероятность и возможность использования крупных войсковых объединений и соединений в региональных вооруженных конфликтах, что, безусловно, еще более повышает требования к уровню управления ресурсным обеспечением войск и сил флота в современных условиях.

Поэтому в создавшейся обстановке нельзя допускать прежних политических и военно-стратегических ошибок 1990-х – начала 2000-х гг., но, прежде всего, просчетов в управлении оборонными ресурсами.

Однако, до сих пор не существует ни четкой методологии, ни методической базы для точной оценки, во-первых, ресурсов (по отдельности или в совокупности), которые могут быть использованы в военных целях; во-вторых, определения достоверных размеров военно-экономического потенциала в целом; в-третьих, расчетов необходимых ресурсов для формирования потребного облика военной организации государства.

В практике обоснования ресурсного обеспечения Вооруженных Сил за всю их историю использовались все возможные подходы, кроме, собственно, научного. При этом возникали не только необоснованные перекосы в финансировании армии и флота, видов и родов войск, но и нарушения пропорций развития сфер и отраслей народного хозяйства, а создающиеся вслед за этим подсистемы управления, их функции, с учетом происходящих деформаций, где-то начинали дублировать друг друга, а

где-то, наоборот, утрачивался контроль, нарушалась управляемость. Действия их начинают противоречить установленным иерархиям, а нормативно-правовое регулирование вело не к улучшению взаимодействия, а к усложнению бюрократических отношений. В результате выстроенная «по науке» стройная, жестко централизованная система управления оборонным строительством все больше приобретала черты забюрократизированного неповоротливого механизма, где определяющим по-прежнему оставался субъективный фактор. Но вместо мер по повышению эффективности военно-хозяйственного механизма, согласно рекомендациям военных экономистов, начался фактически его демонтаж.

В тяжелейший для истории России период псевдорыночной трансформации 1990-х – 2000-х гг. тогдашние руководители страны сочли возможным допустить к управлению реальными военно-экономическими процессами откровенных дилетантов: так называемых экономистов-рыночников, налоговиков, коммерсантов, финансистов, бухгалтеров без специального глубокого военно-экономического образования. Они-то и свели практически к нулю оборонный потенциал нашей страны, уничтожили, имевшиеся в то время военно-экономические научные школы. В те годы была ликвидирована полностью система подготовки кадров военно-финансового и военно-экономического профиля (т.е. уничтожена специальность военного экономиста-финансиста); вместо военных должностей по ряду специальностей во многих структурах, в органах управления, в т.ч. в аппарате МО РФ, а также в военных вузах, введены гражданские должности, где оказались люди далекие от профессионального понимания реальных военно-экономических процессов; в Минобороны не оказалось ни одного НИИ военно-экономического профиля, хотя на оборону и безопасность расходуется до трети федерального бюджета; в стране отсутствует подготовка профильных специалистов для службы в военных НИИ («научные роты» не решают эту проблему, т.к. не дают соответствующего образования), а имевшиеся кафедры военно-экономического профиля реформированы в сторону усиления военно-технического направления; в итоге серьезными военно-экономическими исследованиями у нас занимаются в подавляющем большинстве гражданские специалисты (в основном ученые высшей квалификации – военные пенсионеры) в почтенном возрасте, полноценной замены которым практически нет; нет и

курсов (кроме военных представительств) по военно-экономической подготовке и переподготовке работников аппарата МО РФ (ранее на военно-финансовом факультете Финансового университета было до 20 различных курсов; даже в нынешнем составе ВАК не осталось ни одного специалиста по военной экономике).

Таким образом, недооценка многих теоретических положений и выводов военно-экономической науки, рекомендаций специалистов и привела к совершению массы системных ошибок и принятию непродуманных решений. Достаточно указать лишь один результат таких действий – катастрофическое состояние отечественного ОПК, а заодно и Вооружённых Сил России.

По прошествии периода тяжёлых ошибок в развитии нашей страны и обеспечении её национальной и военной безопасности стало очевидной объективной необходимостью возрождения и существенного наращивания научного потенциала военно-экономической науки, без которой действительный рост военной экономики невозможен. Восстановление действительной роли военно-экономической науки, на теоретических положениях которой формируется и развивается методология научного управления военно-экономической деятельностью государства, её реального места в системе самостоятельных экономических и военных дисциплин, становление особой специальности в системе подготовки квалифицированных кадров военных экономистов-практиков и исследователей, потребовали огромных усилий. Практически они были направлены непосредственно на возрождение управляемости и эффективности «обороны», качественного финансово-экономического обеспечения войск, а также на повышение престижа воинской службы. На всё это ушло более десяти лет и потребовало огромных интеллектуальных и материальных затрат. Однако, этот процесс идет небыстро, по-прежнему встречая сопротивление как в ряде ФОИВ (например, в Минфине), так и в некоторых ОВУ.

Во многом поэтому явно отстает разработка наиболее актуальных и жизненно – важных военно-экономических проблем. Так, при планировании МО и ФОИВ (несмотря на требования 172-ФЗ 2014 года¹) используют

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

совершенно различные системы исходных данных, разные значения факторов и сценарных условий. Поэтому вопросам синхронизации стратегического планирования, согласования военно-политических условий и сценариев прогнозирования следует уделять самое серьезное внимание, поскольку эта установка в значительной степени влияет на результаты прогнозирования: при наличии возможности многовариантного прогнозирования возникают предпосылки для выбора улучшенного сочетания финансирования военной организации и темпов экономического развития, то есть сочетания роста ВВП и уровня военной безопасности. Также безусловно актуальной является проблематика повышения эффективности функционирования отечественного ОПК, оптимизации ценообразования на продукцию военного назначения, диверсификации производства в свете решений о кардинальном увеличении доли гражданской продукции.

Таким образом, самый широкий спектр нерешенных вопросов в военно-экономической сфере представляется важнейшим объектом для дальнейших исследований как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Безусловно, должна меняться, развиваться, совершенствоваться и методология, и научно-методический аппарат военно-экономической теории. Поэтому так своевременны исследования наиболее острых военно-экономических и экономических аспектов военно-политических проблем в работах Н. Абросимова, В. Буренка, Г. Лавринова, Р. Фарамазяна, Б. Кузика, В. Воробьева, Е. Хрусталева, В. Хорева, Л. Панковой, А. Подберезкина и др., посвященных важнейшим аспектам обеспечения национальной безопасности страны в новых условиях. Также актуальны разработки А. Буравлева, В. Буренка, А. Косенко, И. Карпачева, Г. Лавринова, А. Московского, А. Подольского, В. Гладышевского, А. Стифеева и др. по конкретным вопросам управления ресурсно-экономическим обеспечением оснащения ВС РФ современными ВВТ, другим вопросам реализации военно-технической политики.

Очевидно, что углубление знаний законов и закономерностей военной экономики, изучение исторического опыта, особенностей экономического обеспечения современных войн, военных конфликтов и операций, должно помочь формированию у исследователей военно-экономических процессов, специалистов военно-финансовой службы, ОВУ, преподава-

телей военно-экономических дисциплин, действительно научного представления о методологических аспектах военно-экономической науки, ее теоретических основах и практической деятельности в области всестороннего экономического обеспечения строительства Вооруженных Сил государства для укрепления обороны и национальной безопасности страны.

Список использованных источников

1. Воробьев В.В. Финансово-экономическое обеспечение обороны России: проблемы и пути решения. СПб.: Государственный университет экономики и финансов, 2003.
2. Воробьев В.В., Пожаров А.И. Актуальные вопросы военно-финансовой политики России // Военная Мысль. 2005. № 8.
3. Военно-экономическая безопасность / Под ред. А.И. Пожарова. М.: ВФЭУ, 2004.
4. Викулов С.Ф., Довгий В.И. Перспективные направления совершенствования формирования и исполнения государственного оборонного заказа в Российской Федерации. М.: РАН, ИМЭПИ, 2003.
5. Буренок В.М., Лавринов Г.А., Хрусталева Е.Ю. Механизм управления производством продукции военного назначения. М.: Наука, 2006.
6. Буренок В.М., Ляпунов В.М., Мудров В.И. Теория и практика планирования и управления развитием вооружения / Под ред. А.М. Московского. М.: Издательский дом «Граница», 2005.
7. Кузык Б.Н. Оборонно-промышленный комплекс России: прорыв в XXI век. М.: Рус. биогр. ин-т, 1999. 271 с.
8. Лавринов Г.А. Военно-экономическое обеспечение реализации планов развития вооружения и военной техники: монография. М.: ЦВНИ МО РФ, 2002.
9. Фармазян Р.А., Борисов В.В. Трансформация военной экономики: XX – начало XXI века. М.: Наука, 2006. 341 с.
10. Абросимов Н.В., Пожаров А.И. Концептуальные проблемы обеспечения национальной безопасности. Вопросы теории и практики государственного военного строительства // Национальная безопасность. 2014. № 3.
11. Викулов С.Ф. Экономика военного строительства: эволюция взглядов на проблемы, методы, решения. М.: Издательская группа «Граница», 2013. 454 с.
12. Хорев В.П., Горева О.Е. Сущность и место финансово-экономического обеспечения Вооруженных сил Российской Федерации в системе оборонной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 31(220).
13. Военная экономика: учебник / Под общ. ред. С.Ф. Викулова. Минск: ВА РБ, 2018. 459 с.
14. Буренок В.М., Горгола Е.В., Викулов С.Ф. Национальная безопасность России в эпоху сетевых войн: монография / Под общ. ред. В.М. Буренка. М.: Издательская группа «Граница», 2015. 192 с.
15. Партикулярные формы военных действий. Невоенное противоборство в XXI веке: монография / Горгола Е.В. [и др.]; под ред. С.Ф. Викулова. М.: АПВЭиФ, Изд-во «Канцлер», 2019. 362 с.

16. Гладышевский В.Л., Горгола Е.В., Стратегическое управление ресурсным обеспечением Вооруженных Сил в условиях нарастания военной угрозы и использования Западом невоенных методов силового давления: монография. 2-е изд., доп. М.: АПВЭиФ, Изд-во «Канцлер», 2017.
17. Гладышевский В.Л., Горгола Е.В., Звягинцев С.А. Военно-экономическая теория XXI века: монография. Кн. 1. М.: АПВЭиФ, Изд-во «Канцлер», 2018.
18. Военно-экономическая теория XXI века: монография. Кн. 2. Ч. 1 / Горгола Е.В. [и др.]. М.: АПВЭиФ, Изд-во «Канцлер», 2019.
19. Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации РФ: монография / Под ред. В.М. Буренка. М.: АПВЭиФ, Издательский дом «Граница», 2018. 512 с.
20. Лавринов Г.А., Карпачев И.А. Методологические аспекты обоснования и реализации военно-технической политики // Вооружение и экономика. 2019. № 1.
21. Буренок В.М., Косенко А.А., Лавринов Г.А. Техническое оснащение Вооруженных Сил Российской Федерации: организационные, экономические и методологические аспекты. М.: Издательский дом «Граница», 2007. 496 с.
22. Московский А.М. Военно-техническая политика государства: современный этап и тенденции развития. М.: Военный парад, 2006.
22. Лавринов Г.А., Козин М.Н. Управление рисками в системе государственного оборонного заказа: монография. Саратов: Наука, 2010. 255 с.
23. Лавринов Г.А., Подольский А.Г. Ценообразование на продукцию военного назначения: от затратной к ценностной концепции // Вооружение и экономика. 2012. № 1(17).
24. Лавринов Г.А., Подольский А.Г. К вопросу о военно-экономической эффективности использования финансовых ресурсов при планировании создания продукции военного назначения // Вооружение и экономика. 2012. № 2(18).
25. Буравлев А.И., Брезгин В.С. Методы оценки эффективности применения высокоточного оружия. М.: ИД акад. Жуковского, 2018. 231 с.
26. Панкова Л.В. Военная экономика, инновации, безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 149 с.
27. Панкова Л. В. Военно-экономическое развитие и безопасность. М.: Весь мир, 2020. 440 с.
28. Стифеев А.Л. К вопросу о направлениях совершенствования механизма программно-целевого планирования развития российского оборонно-промышленного комплекса на современном этапе // Инновации. 2013. № 8.
29. Буравлев А.И., Пьянков А.А. Управление техническим обеспечением жизненного цикла вооружения и военной техники: монография. М.: Граница, 2015.
30. Методы военно-научных исследований систем вооружения: военно-научный труд / Буравлев А.И. [и др.]; под общ. ред. В.М. Буренка. М.: Граница, 2017. 511 с.
31. Подберезкин А.И. Современная военная политика России. В 2-х т. М.: МГИМО, 2014.
32. Подберезкин А.И. Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: МГИМО, 2019.